

ВЫСТАВКА ТАРХОВА.¹
(ПАРИЖЪ).

[91]

1-го мая у Воллара открылась выставка Тархова. Она произвела очень пріятное впечатлѣніе и имѣла вполне заслуженный успѣхъ. Между этими слишкомъ семидесятью холстами есть несомнѣнно вещи, стоящія рядомъ съ лучшими вещами Морета и Мофра. Хотя бы этотъ снѣжный пейзажъ, изъ собранія Франца Журдена или *La Seine et Notre-Dame*, принадлежащій Рейру.

Лучшая вещь, мнѣ кажется, *La Porte Saint-Denis*, пріятнаго, сѣраго, общаго тона, воздушная и передающая это безостановочное движеніе экипажей, омнибусовъ, пѣшеходовъ, торговкокъ апельсинами и цвѣтами,— всю эту сутолоку большихъ бульваровъ.

Та же суматоха и толкотня въ *Carnaval à Paris (Impression)*, изъ собранія Лекланше: яркія, пестрыя карусели, яркая, пестрая толпа, яркія, пестрыя ленты серпантинъ на деревьяхъ и развѣвающіеся яркіе флаги надъ всей этой, какъ бы дрожащей въ воздухѣ, пестротой.

Fête tournante съ теплымъ вечернимъ небомъ. *Fête foraine la nuit*. Еще *Boulevard Saint-Denis*. Это Парижъ праздничный, шумливый, суеящійся, Парижъ-муравейникъ.

А вотъ—серія спокойной Сены у Нотръ-Дамъ, тамъ, гдѣ она огибаетъ *La Cité* и *Ile Saint-Louis*. Оба берега ея заставлены безчисленными, аккуратно стоящими одна около другой, бочками, ящиками, еще какими-то предметами, а сама она покрыта рядами длинныхъ сѣрыхъ барокъ, къ которымъ то и дѣло поворачиваются съ берега какія-то высокія и тонкія машины. *La Seine et Notre-Dame vers le soir*; *Notre-Dame au temps gris*; *La Seine au brouillard*; *La Pont sur la Seine*; *La Seine*.

Затѣмъ—пейзажи окрестностей Парижа, *La Plaine à Chevreuse* весной и

¹ А.Ш., «Выставка Тархова. Парижъ», *Золотое руно*, 1906, №6, 91-2.

лѣтомъ, въ яркіе солнечные дни, съ яркой зеленою, съ бѣлыми козами подъ свѣтлыми цвѣтущими яблонями.

Очень милы цвѣты, принадлежащіе О. Н. Мечниковой. La table, съ огромными желтыми кризантемами, бывшая на выставкѣ „Независимыхъ” нынѣшняго года. Vêbé sur le tapis, богатой красной гармоніи.

Жаль, что выставлена лишь небольшая часть всего, сдѣланнаго Тарховымъ,—но хорошо, что и это удалось показать здѣсь, гдѣ такъ мало знаютъ русское искусство вообще. Тархова, конечно, здѣсь знаютъ и цѣнятъ; но все же можно было бы собрать, располагая большимъ временемъ, всѣ тѣ вещи, которыя разбросаны по рукамъ въ Россіи, здѣсь, въ провинціи и за границей. Было бы любопытно видѣть это движеніе по пути, намѣченному давно, при самомъ началѣ, отъ котораго художникъ не уклонялся ни разу, это исканіе общаго движенія толпы, этого мельканія цвѣтныхъ пятенъ передъ глазами, сливающихся въ одно пестрое общее, въ которомъ и деревья, и облака, и флаги, и снующій людъ внизу какъ бы дрожать и переливаются всѣми оттѣнками радуги въ воздухѣ.

[92]

Тарховъ не любитъ и не ищетъ поэзіи тихихъ сумерекъ, спокойнаго настроенія, этой задумчивости, такой милой и ласковой у Левитана. Онъ взялъ себѣ яркій, солнечный или холодный, опредѣленный кусокъ природы и съ неослабѣвающей силой дальше и дальше идетъ по своей дорогѣ.

А. Ш.

Парижъ. Май 1906.